

ПСИХОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА

Ю. М. Забродин¹

Излагаются положения психологической теории организации поведения человека в реальном социальном окружении. Рассматриваются соответствующие психологические механизмы и законы.

Ключевые слова: субъект, организация поведения, социальное пространство.

Set out the terms of the psychological theory of human behavior organization in real social environments. Review relevant psychological mechanisms and laws.

Key words: subject, organization behavior, social space.

Общие принципы организации поведения

В ряде наших работ [6; 7] мы показали, что поведение субъекта подчиняется определенным законам, определяющим несколько важных обстоятельств жизненного пути человека: на каждом этапе и в каждый момент жизненного пути индивид встречает человеческие организации, сталкивается с человеческими проблемами и вступает в человеческие отношения.

Существует определенная линия развития субъекта, его траектория в мире. С этой точки зрения можно рассматривать некоторые отрезки жизненного пути субъекта: *ситуация в настоящее время, оценка перспектив развития ситуации и объемы тех взаимодействий*, в которые в каждый данный момент субъект вступает с окружающим миром. Мы отмечали, что существует определенный спектр взаимодействий субъекта в каждый данный момент и вектор вероятного направления развития его траектории (элемент или интервал жизненного пути). Мы выделяли также два принципиально разных типа субъектных взаимодействий: взаимодействие с системой объектов и с множеством субъектов как себе подобных. Эти два типа взаимодействий по определению задают специфику отношений субъекта с окружающим миром.

¹ Забродин Юрий Михайлович — доктор психологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского городского психолого-педагогического университета, заведующий кафедрой организационной и экономической психологии. Эл. адрес: zabrodin_yuri@mail.ru

Вопрос состоит в том, что в каждый момент мы рассматриваем не только структуру взаимодействия субъекта, не только его динамику и вероятное направление развития, но и то, как конкретно *регулируется каждый шаг, каждый момент поведения человека*. Вся сложная структура *текущих взаимодействий*, каждый момент динамики движения (в том числе развития) самого субъекта, конечно же, включает в себя текущий момент времени, *наличную ситуацию взаимодействия*, поскольку в каждый момент жизни существуют окружающие человека субъекты (социальная среда) и окружающая его вещественная (объектная) природная среда. При этом если рассмотреть другой момент движения субъекта по *траектории жизненного пути*, можно увидеть реальное изменение жизненной ситуации, которое можно обозначить как *элемент жизненного пути*. С точки зрения внешнего наблюдателя, это означает как *изменение внешнего (по отношению к субъекту) Мира, так и изменение самого субъекта*.

Конечная ситуация, являясь составной частью общего процесса взаимодействия субъекта, в то же время отличается от каждого из предшествующих (и последующих) моментов взаимодействия. Таким образом, существует определенная начальная ситуация движения субъекта, а в конечном итоге реализуется (и наблюдается) некая *конечная ситуация* и при этом важным моментом становится субъектная активность — основа развития, *преобразования начальной ситуации в конечную*. Нужно отметить, что описанное движение из начальной ситуации в конечную рассматривается большинством теоретиков как *преобразование субъектом окружающего мира*.

Как мы видели, можно выделять различные аспекты анализа человеческого поведения в ходе преобразования субъектом его окружения. Один из них, относительно традиционный, связан с исследованием *структуры субъектных взаимодействий*, в которой мы выделяем *два принципиально различных* (и важных для понимания человеческой психологии) вида взаимодействия: взаимодействие субъекта с объектами и взаимодействие с другими субъектами.

Первый вид — *субъект-объектное взаимодействие* — строится и осуществляется по законам физического мира (по естественнонаучным законам). Второй вид описывает *взаимодействие субъекта с другими субъектами и строится* по совершенно другим законам, при этом главный механизм взаимодействия данного субъекта с другими субъектами — это *передача сообщений*. В таком случае естественно, что в организации межсубъектного взаимодействия реализуются другие законы: законы передачи информации, законы движения сообщений, которые не подчиняются известным естественнонаучным законам и не сводятся к ним.

Вместе с тем важным для психологического анализа становится и другой аспект человеческого поведения: описанная *структура движения взаимодействия субъекта* определяет элемент или *интервал траектории жизненного*

пути единичного субъекта, т. е. *элемент его акмеогенеза*; синхронное объединение таких интервалов для множества взаимодействующих субъектов создает *элемент социального пространства* как пространства человеческих взаимодействий. В действительности каждый раз, когда мы рассматриваем *жизненный путь и текущий момент движения* единичного конкретного субъекта, важно представлять, каковы объемы, каковы реальные возможности и перспективы его взаимодействия с окружающим миром в данный момент. Это важно потому, что в любом практическом контакте с человеком необходимо понимание того, какова его реальная жизненная ситуация в настоящий момент и какова вероятная перспектива ее развития.

В принципе, идеи Л. С. Выготского о зонах ближайшего развития [2] (имплицитно предполагающие знание направлений ближайшего развития) предусматривают, что при изучении развития человека нужно проследивать некоторый интервал развития человека в пределах его реальных возможностей. Отметим, что в нашем случае мы рассматриваем все *пространство потенциальных возможностей движения субъекта в Мире*, а не только *функционально заданные или функционально связанные между собой траектории ближайшего развития*. Понятно, что это пространство определяет реальные и реализуемые возможности перспективного развития поведения или будущего движения субъекта в последовательности элементов жизненного пути как элементов индивидуальной человеческой судьбы. При определении потенциала движения субъекта для нас очень важно оценить *потенциальные возможности субъекта, его интенции и ограничивающие условия среды*. Чем большими возможностями обладает субъект, тем более развернут объем его контактов с окружающим миром; чем хуже и жестче условия среды, тем больше они *сжимают* объем взаимодействий субъекта с окружающим миром. Подчеркнем, что в данном случае противоречие обнаруживается не между субъектом и окружающей средой, а именно в этом самом объеме его взаимодействий: в структуре и дальности реального взаимодействия реального субъекта.

Естественно, что регулирование (коррекция) элементов жизненного пути субъекта как раз предполагает возможность изменений тройного вида: *изменения среды, изменения возможностей субъекта и изменения интенции субъекта*, которая определяет его ближайшие намерения. Таким образом, видно, что есть возможность изменения субъектного поведения через три фундаментальных фактора.

Можно пытаться управлять *возможностями субъекта*. В своей сути эти возможности предполагают эффективное использование *способностей субъекта и его ресурса*. Заметим, что *развитие способностей* — это классическая задача обучения (правда, в несколько другой формулировке). *Развитие человеческого ресурса* — довольно новая для теоретической психологии проблема. В течение последних лет она активно изучается, в том числе экспериментально:

ведутся обширные исследования скрытых возможностей человека, оценка его резервных возможностей; исследуется процесс высвобождения ресурсов, возможности целенаправленного и произвольного их регулирования. Полагаем, что при этом речь идет (в определенном смысле) об *объективной оценке и возможностях управления психическими состояниями человека*.

Другим потенциальным фактором управления становятся *ценности, интересы, предпочтения* субъекта. Потенциально это тоже довольно большой спектр специальных состояний субъекта, которые определяют его *отношение к образам* ситуаций и событий, которые упорядочиваются по степени субъективного предпочтения. Понятно, что в этом случае речь должна идти об *индивидуальных смыслах, о мотивационно-смысловых интенциях субъекта и о субъективной семантике Мира*. Важно подчеркнуть, что упомянутый спектр предпочтений и отношений субъекта к тому, что происходит во внешнем мире и в нем самом, довольно жестко определяет направление дальнейшего движения субъекта, поэтому исследование возможностей управления индивидуальными смыслами, структурой индивидуального семантического пространства напрямую связано с возможностью управления поведением человека. То, что происходит сейчас в индивидуальном сознании жителей России, в основном касается семантической области: происходит радикальное изменение индивидуальных и общественных ценностей, приоритета интересов, ожиданий, настроений, надежд и т. д.

И наконец, отметим *условия среды*, которые также можно использовать для того, чтобы управлять поведением. Здесь следует выделить три различные непересекающиеся группы социальных механизмов, так или иначе формирующих среду жизнедеятельности человека: культура, труд, свободное время. В области культуры это прежде всего классическая система образования, начиная от вопросов обучения и воспитания подрастающих поколений, освоения норм экологического и социального поведения, экономической и социальной политики. Эти системы важны потому, что из анализа полной структуры человеческих отношений вытекает возможность анализировать элементы движения человеческого индивида в среде его жизни.

Легко увидеть, что эта триада существует в сферах *Образования, Труда и Отдыха*; общественно необходимого (занятого) и свободного времени человека, и тогда мы сталкиваемся с классическими проблемами *условий труда, образования и свободного времени*; поддержания и развития человеческих *отношений в труде, образовании и в свободном времени*; «вхождения» человека в человеческую культуру, «производства» человека как *субъекта труда, образования и собственной жизни*. При этом, естественно, возникает проблема управления социальными процессами со стороны общества и государства на всех этапах акмеогенеза — *гражданского и профессионального становления человека*.

Важнейшим элементом социального управления процессом общественного производства человека как гражданина и профессионала становится государственное управление социальными процессами в системах образования и занятости, и особенно процессами и механизмами перехода от образования к труду и обратно. С этой точки зрения *государственное управление* становится в действительности *управлением социальными процессами «жизни» людей* на той или иной территории, в той или иной эконише, а не «деятельности» профессионалов в той или иной организации, в том или ином учреждении. При этом и социальная функция, и социальный результат управления, его субъект и объект могут различаться весьма существенным образом, включая такие аспекты, как:

- «производство и потребление» самого субъекта;
- «производство и потребление» субъект-субъектных отношений;
- «производство и потребление» условий жизни.

Результатом такого управления должно стать создание развернутого во всем профессиональном спектре контингента хорошо подготовленных специалистов, включающихся в процесс производства общества во всем его объеме: от ремесленника, предпринимателя до наемного работника и государственного служащего (чиновника). И хотя все они так или иначе включаются в управление социальными процессами, структура их социальных ролей и содержание управляющих действий может различаться (и в ряде примеров действительно различается) радикальным образом. Так, в отличие от классического руководителя, который осуществляет *управление действиями людей* разного уровня профессионализма и основной задачей которого является согласование интересов и функций профессионалов в производственной организации (в широком смысле), государственный чиновник осуществляет управление на территории и в этом смысле управляет *частью жизни* других людей, а не *частью их деятельности*.

О социальном пространстве

Концепция *социального пространства* может быть представлена как развитие и обобщение некоторых идей отечественных психологов об особенностях межличностных взаимодействий и отношений (Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев и др.) и ряда психологических концепций о строении и напряженности персональных пространств (А. Адлер, К.Г. Юнг, Т. Шибутани, Ф. Лютенс и др.), «личностного поля» К. Левина и др. Эта концепция, по нашему мнению, открывает принципиально новые возможности психологического анализа всей системы межсубъектных взаимодействий и отношений, в том числе путем:

— признания особого *социального* качества этих взаимодействий², прежде всего человеческих межличностных отношений;

– введения меры на множестве этих взаимодействий, т. е. *дефиниции социального пространства*;

– определения *движения субъекта в системе межсубъектных взаимодействий* как *траектории его жизненного пути* в указанном множестве.

С помощью концепции социального пространства в область психологического анализа общественных явлений существенно легче и вполне корректно вводятся следующие важнейшие теоретические конструкции, значимые для понимания межсубъектных (в первую очередь социальных) взаимодействий:

– понятие *социальной общности, социального института, группы и организации*, их существенное различие;

– концепция и мера *социального положения (позиции, статуса)*;

– понятие социальной (личностной) дистанции, социального влияния и роли;

– определение ряда слабо изученных *социальных процессов* как особых реальных в жизни субъекта, например, таких, как процессы *формирования и движения собственности*, отчуждения продуктов деятельности и труда, *развития обменных отношений и действий* в социальном пространстве;

– определение многообразия форм и видов социального поведения, отмеченного особой *модальностью* появления таких форм социального поведения, как обман, дезинформация, «подмена» и т. д.

Особенность социального пространства состоит в его *относительной независимости* от физического пространства бытия и движения субъекта как результата особого свойства межсубъектных взаимодействий: даже «покоясь», будучи неподвижными в физическом пространстве, и субъекты, и объекты *могут иметь потенциал движения и/или реально перемещаться в пространстве социальном* (например, в процессе движения собственности — отчуждения, изъятия, дарения, обмена ценностями, стоимостями; в процессах социальных движений — присоединения, идентификации, изоляции и разрыва, распределения влияний, полномочий и ответственности и т. д.). *В социальном пространстве действуют свои законы влияния (взаимодействия)*, исследова-

² Особое качество межсубъектных взаимодействий вполне очевидно. Однако в системе психологического знания понятие «субъект-субъектные взаимодействия», которое фиксирует принципиальную непохожесть межсубъектного взаимодействия на субъект-объектное, по видимому, впервые было введено Б.Ф. Ломовым (1984). При этом тем не менее отсутствует указание на то, что оба эти взаимодействия (субъект-объектное и субъект-субъектное) являются полной и исчерпывающей характеристикой реального бытия субъекта, выступая как *действительные стороны жизни одного и того же реального субъекта*.

ние которых открывает собственно психологические механизмы социального движения — усиление или ослабление влияния (референтность), заражение, подражание, внушение, вовлечение, убеждение, принуждение и т.д. В *социальном пространстве* принципиально допустимо независимое от физического «движение» (как изменение спектра межсубъектных взаимодействий и отношений) *субъектов*, что достаточно очевидно в контексте современного социально-психологического и организационного анализа (создание и замещение роли, создание и организация, управление «социальным местом», карьерное движение и др.). Однако, и это не менее важно, в *социальном пространстве* осуществляется *движение объектов* (как опредмеченных результатов поведения и деятельности субъекта в мире, например, результатов поиска, преобразования и транспорта³, предметов культуры, искусства, элементов знания и веры, норм права, морали и др.).

Социальное пространство (реальное и виртуальное) образуется как множество своих элементов: субъектов, их объединений (разного рода и уровня общностей — сообществ и групп, социальных институтов и организаций) и движений, которые существуют как допустимые (разрешенные) в данное социальное время (эпоху, период). Вместе с системой мер на этих элементах (определяющих области их существования, движения, развития, их структуру и состав) возникает та или иная *метрика данного социального пространства*. В таком случае могут быть определены *возможные и разрешенные (одобряемые или наказуемые) траектории движения субъекта* во множестве межсубъектных отношений, которые характеризуют индивидуальные особенности жизненного пути, *гражданскую и профессиональную карьеру субъекта*, проходящего через множество реально или виртуально существующих социальных систем. Это означает, в частности, что субъект в течение своей жизни проходит через *множество различных социальных систем* со своей структурой, узлами, элементами и нормами отношений.

Полезность предлагаемой концепции социального пространства (далее — СП) можно показать на примере такой области, как образовательное пространство с ближайшими вариантами движения субъекта по его *жизненному пути* [7, 8]. Здесь можно увидеть важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *гражданских и профессиональных карьер*, образующие *потoki движения* множества субъектов похожей судьбы — *движения человеческих ресурсов* общества. Определение типичных траекторий движения в указанных областях социального пространства позволяет определить *критические интервалы жизненного пути и кризисные (для субъекта) точки выбора* дальнейшего движения. В каждой *точке выбора* существует возможность различного продолжения

³ В том числе *транспорта в пространстве субъектов* — распределения и обмена.

карьер, реализуемая разной долей из множества (общего потока) реальных субъектов:

– по дальнейшим ступеням образования — вплоть до индивидуального образовательного пути в системе непрерывного «пожизненного» образования (long life learning);

– в область социально-трудовых отношений, на свободный и связанный рынок труда, обновляя и пополняя контингент экономически активного населения (далее — ЭАН);

– в область маргинального поведения и безнадзорности, постоянно пополняя кризисный контингент так называемых беспризорных и бомжей;

– в сферу криминального пространства, образуя кризисные группы *делнквентного* поведения.

Психологическое исследование *реальных потоков и анализ психологических механизмов выбора вариантов развития жизненного пути* (жизненных планов) как вариантов карьерного движения субъектов не только нормализует наличное психологическое знание, эффективно и понятно вводит ряд привычных и новых психологических категорий, но и открывает новые области и объекты психологических исследований, в частности:

– характеристики *типичных карьер*, их *ролевые, функциональные и пространственные* (например, позиционные) особенности, а также психологические особенности субъектов, их выбирающих;

– характеристики *потенциала и интенций субъекта* [6, 9] и его выбора: осознанность, социальные влияния, планирование и готовность к реализации выбранного пути и др.;

– *стрессы, защиты и адаптации* «на изломах» карьеры как следствие «разрыва непрерывности» социального пространства — в *точках выбора* (множественность альтернатив продолжения траектории жизни) и в *точках «перемены роли»* на границах структурно организованных подмножеств СП — в организациях, группах, социальных институтах и т. п.

Распределение *типичных социальных мест и ролей*, потенциально «замещаемых» субъектом в процессе его движения в социальном пространстве, раскрывает принципиальную *ролевую структуру распределения человеческого ресурса* общества в экономически ориентированном контексте. В этом случае легко выделить категории населения, потенциально важные для перехода их в *экономически активное состояние* (реализацию в категории экономически активного населения — ЭАН), отдельно рассмотреть потенциально кризисные социальные места и контингенты.

На рис. 1 показаны важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *граждан-*

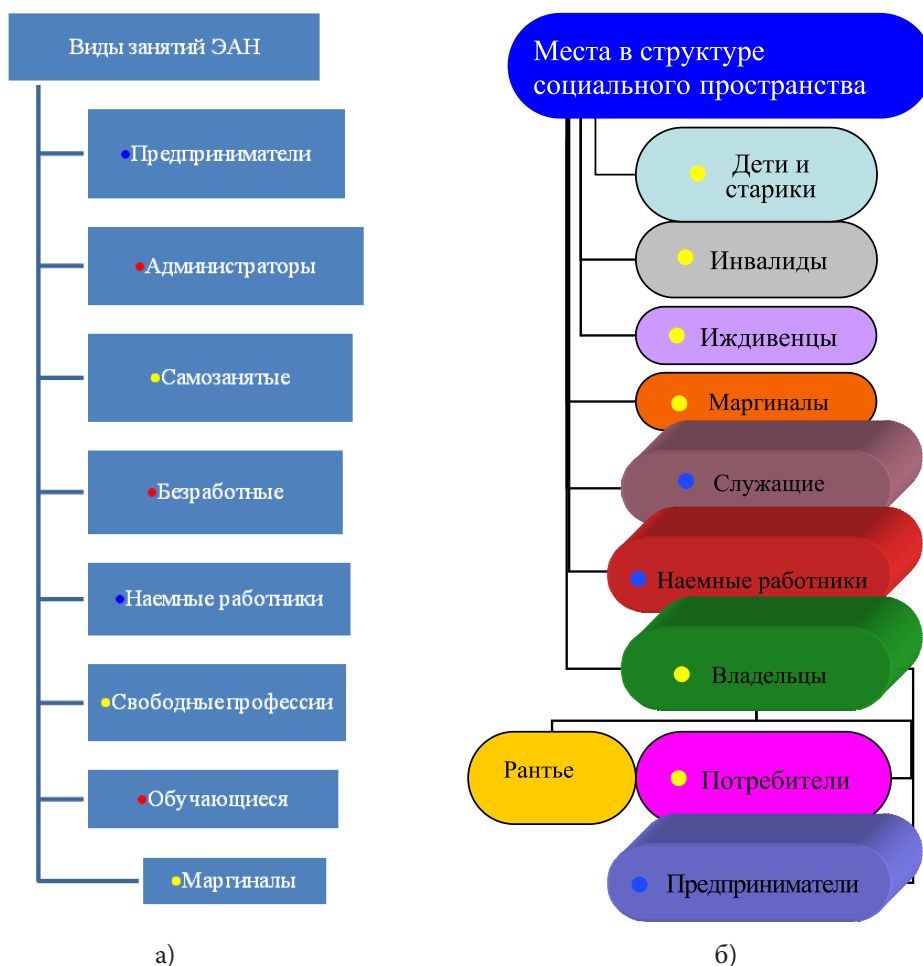

Рис. 1. Распределение видов занятий ЭАН и ролевая структура социально-экономического пространства

ских и профессиональных карьер, образующие потоки движения множества субъектов похожей судьбы — движения человеческих ресурсов общества.

Рис. 1 раскрывает узловую структуру социальных мест в социальном пространстве СП с указанием типичных ролей в экономически активной области, что позволяет вести психологический анализ распределения ЭАН по этим социальным местам, исследовать механизмы и факторы выбора и замещения, а также эффективного или неэффективного исполнения соответствующих социальных ролей.

Психологическое исследование процессов и областей движения человеческого субъекта в человеческом обществе дает возможность выявлять критические интервалы жизненного пути, причем каждый такой интервал по-своему

критичен в контексте *перемены социальной роли и социальной функции субъекта*. Социально-психологический анализ позволяет обнаружить типичные потоки и траектории движения в социальном пространстве, исследовать эффективность выбора и замещения «социальных мест», исполнения различных ролей и оценить значение социальных институтов в жизни развивающегося субъекта.

Из сказанного следует, что профессиональная принадлежность является лишь частным и весьма специфическим (скорее функционально-технологическим) проявлением экономической активности человека на конкретном «рабочем месте». Сами *социальные системы* (общности, институты⁴, движения, объединения и т. п.) могут быть наделены в таком случае рядом параметров и свойств, характеризующих указанные общности через их отличительные особенности:

- *социальное качество* или *общий признак* (территориальные, этнические, культурные, исторические, позиционные и иные общности);
- *социальную функцию в обществе* (политические, демографические, экономические и др.) и т. д.;
- *объем* (сверхбольшие, большие, средние, малые, мелкие объединения);
- *структуру* (вертикальные, древовидные, матричные и др.)
- *состав* (узлы структуры, социальные места и внутренние нормы отношений).

При этом особое значение для психологического анализа приобретает понятие «*социальное место*» как обобщающее идею *движения субъекта через различные социальные образования* (в том числе различные организации), конкретную *реализацию* из множества возможных *альтернатив* социального поведения (допустимых изменений спектра межличностных взаимодействий) в реальных или виртуальных «*узлах социальной структуры*». Такое движение может рассматриваться как *кризисная ситуация* на определенном *интервале жизненного пути* (жизненной ситуации) как *кризис перемены роли*. В этом случае *движение субъекта и его траектория в социальном пространстве* могут рассматриваться как *последовательное замещение одного из множества социальных мест*. В этом контексте персональный кризис представляет собой сам процесс *занятия субъектом*⁵ одной из множества возможных (в данный момент свободных или уже замещенных) позиций в той или иной социальной

⁴ Так, например, государство становится одним из социальных институтов управления общественными процессами (то есть – процессами реального взаимодействия людей), и другим таким институтом становится институт (местного) самоуправления.

⁵ А не только – адаптации и эффективного исполнения той или иной роли на данном социальном месте.

системе, например, учебного места в образовательном учреждении, рабочего места в производственной организации, социальной позиции в группе и т. д.

В контексте предлагаемой концепции социального пространства становятся более понятными такие феномены, как *психологическое расстояние* (персональная дистанция) и *психологический барьер*, который приходится создавать (защита) или преодолевать (установление контакта). Эти понятия характеризуют особенности межсубъектного взаимодействия, которое само по себе обладает свойствами *модальности* (селекции и выбора партнера), *дальности* (силы взаимодействия) и *валентности* (знака). С этой точки зрения в социальном пространстве можно обнаружить *персональные особенности дистанции, отношений и поведения*:

- *дистанция* характеризует баланс межсубъектного взаимодействия, она может сохраняться (поддерживаться), сокращаться (сближение) и увеличиваться (удаление);

- *отношения* детерминируются особенностями спектра взаимодействий со стороны субъекта, они могут быть открытыми (симпатии — антипатии), закрытыми (маскировка и дезинформация), вертикальными (доминирование — подчинение) и горизонтальными (согласие и терпимость);

- *барьеры* могут быть *поведенческими* и *личностными*. *Поведенческие защиты* характеризуют индивидуальные формы и особенности социального поведения: реальные (ступор, контакт, избегание; содействие и противодействие, агрессия и жертвенность) и виртуальные, информационные (мимикрия и изоляция, обман и дезинформация, угроза и покорность). Личностные — это преимущественно *интрапсихические защиты* отражения (фиксации, оценки и интерпретации социальных ситуаций и социальных партнеров) и переживания (тревога и стресс, страх и бравада, эйфория и фрустрация).

В русле концепции социального пространства становится возможным аккуратный анализ разного рода социальных общностей как подмножеств и подсистем единого социального пространства на данном *интервале жизни человека* и в *данную эпоху развития общности*.

Так, например, обнаруживается существенное различие между такими общностями, как группы и организации. Если группы в основном дефинируются как *социальные системы с общим признаком входящих в них субъектов*, то организации выступают как *социальные системы с общей социальной функцией*, выраженной в виде специфической *социальной миссии* организации. В таком случае можно сказать, что *группы преимущественно отражают потребности и интересы собственных членов*, тогда как *организации в своих функциях и миссии отражают потребности и интересы тех, кто находится за пределами организации*.

Таким образом, исследование движения человеческого субъекта в человеческом обществе выявляет *специфические траектории движения в социальном пространстве*, а также критические *интервалы жизненного пути* (как указывалось, каждый по-своему критичен в контексте перемены социальной роли и социальной функции), что позволяет обнаружить *типичные потоки и индивидуальные траектории движения человека*, исследовать *эффективность социального поведения*, качество выбора и замещения «социальных мест», исполнения различных ролей, оценить значение различных социальных институтов в жизни развивающегося субъекта.

Механизмы психической регуляции: феноменология и функции

Рассмотрим далее, как в конкретной жизненной ситуации, на микроинтервале жизненного пути организуется само поведение субъекта и какой механизм реализует так называемую психическую регуляцию поведения. Предположим, что имеется некоторый конкретный субъект, который находится в реальной ситуации взаимодействия с окружающей его средой. Естественно, что в таком случае существует и некоторая текущая ситуация (структура и значение взаимодействий субъекта в данный момент). Естественно также, что через некоторый промежуток времени вся ситуация может измениться и субъект продвинется в любом направлении.

Возникает вопрос: как и почему это происходит в реальности? Существование этого вопроса состоит в том, чтобы понять, как и почему меняется взаимодействие субъекта в данной ситуации, почему у субъекта *появляется желание* изменить саму ситуацию, изменить взаимодействие. Простейший ответ мы находим в опыте наблюдений над животными и в опыте самонаблюдений — если ситуация, в которой субъект находится сейчас, по каким-либо причинам его не устраивает, тогда *возникает идея изменения* ситуации. Другими словами, у субъекта возникает то, что мы называем мотивационно-смысловой интенцией, желание данную ситуацию как-то изменить (и это желание задает интенции движения на жизненном пути (см. выше).

Следовательно, проблема регуляции (в частности, изменения) поведения начинается с того, что субъект ощущает в себе или внутри себя потребность в изменении текущей ситуации, то есть *ощущает появление проблемы*.

Понять, *почувствовать, что проблема возникла* — как раз и есть первый шаг к тому, чтобы *захотеть что-то изменить* в ситуации текущего взаимодействия. Активное разрешение этой проблемы состоит в том, чтобы с помощью каких-либо действий изменить либо состояние внешнего мира, либо характер взаимодействия, либо самого субъекта. Важно подчеркнуть, что прежде чем что-либо реально меняется в текущей ситуации, возникает идея изменения, и эта идея изменения базируется на фундаментальном предположении, что *если в данной ситуации субъекту что-то не нравится, то у него по-*

тенциально существует представление о другой ситуации, которая может быть лучше текущей.

Это означает, что у субъекта, во-первых, есть реальная *возможность отразить* текущую ситуацию, т. е. построить *образ данной ситуации*. Во-вторых, субъект имеет возможность *оценить* (по образу) качество текущей ситуации. Значит, в число базовых психических функций следует внести механизм отражения и механизм оценки.

Логически понятно, что для осуществления оценки образа текущей ситуации его необходимо зафиксировать, а это значит, что *механизм оценки не может действовать*, если у субъекта *отсутствует* такая психическая функция, как *память*. Этим психика любого субъекта принципиально отличается от простого зеркального отражения. Но это предполагает, что в самой структуре физиологических процессов появляются и остаются определенные изменения, которые связаны со структурой внешних событий, и благодаря выделению соответствующих инвариантов в физическом (физиологическом) потоке событий *субъект становится независимым от реальной ситуации, а психический образ независимым от того, что он отражает*. «Отрыв» образа от объекта отражения теоретически или феноменологически проявляется в том, что мы называем памятью субъекта. Основная примечательная черта этого феномена состоит в том, что субъект может *воспроизвести образ ситуации тогда, когда ситуации уже нет*. Почему это происходит, каков механизм работы памяти — это другой, особый разговор; в данном случае важно отметить, что основная функция памяти очень проста — *сделать образ объекта независимым от самого объекта*.

Однако относительно независимого существования образа ситуации еще недостаточно для того, чтобы каким-то образом начала выстраиваться регуляция поведения. Следовательно, *независимость образа ситуации от самой ситуации* является условием необходимым, но не достаточным для организации поведения. Для реализации функции оценки нужно также, чтобы у субъекта имелся *организованный опыт* прошлых взаимодействий, который содержал бы в себе множество тех образов прошлых ситуаций, которые, оторвавшись от своего объекта, сохранились в его памяти. При этом речь идет не только об образах состояний внешнего мира: ведь сама ситуация, как мы уже указывали, включает в себя и взаимодействие, и объекты взаимодействия, и субъекта.

Можно показать, что у взрослого человека в нормальном состоянии указанный *образ ситуации* как результат работы *сознания* сразу же *разделяется на три части, формируя отдельно существующий образ самого субъекта, образ его взаимодействия и образ объективной ситуации*.

Следует подчеркнуть, что *сознательный опыт субъекта* как бы складывается из всего того, что сохранилось и накопилось в его памяти, что структу-

рируется, классифицируется, организуется тем или иным образом. При этом в индивидуальном опыте сохраняется не только образ прошедшей внешней ситуации, внешнего мира, но и образ того, каким был сам субъект в этой ситуации, каков был характер его взаимодействия и его эффект: полезный или вредный, опасный или неопасный, удовлетворяющий или неудовлетворяющий. В этом случае и возникает возможность оценки образа данной текущей ситуации на множестве образов прошедших жизненных событий. Формирование систем *оценок и ценностей* сразу связывает образ с отношением субъекта. По нашему предположению, все это вместе взятое образует структуру *семантического пространства* данного субъекта, его личный персональный смысл. В результате появляется реальная возможность *оценить данную ситуацию по отношению к другим*, и тогда та ситуация, в которой субъект оказался сейчас, рассматривается им во множестве образов вероятных или возможных ситуаций.

Оценка качества данной ситуации как не самой лучшей возможна тогда и только тогда, когда у субъекта возникает образ другой ситуации, которая в принципе лучше, чем та, в которой он находится сейчас. Независимо от того, каким является конкретный *критерий оценки*, он позволяет *упорядочить множество образов, задать на нем направление*, оценить, что может быть лучше, чем положение в текущей (нулевой) ситуации, т. е. определить *разницу между образом желаемой ситуации и образом наличной ситуации*, который в данное время также реально существует в пространстве психических образов данного субъекта.

Теперь сформулируем важный психологический закон: *поведение субъекта, точнее, интервал поведения, жизненная ситуация, есть прямая функция от разницы указанных образов*. Это положение очень важно, потому что его подтверждает вся эмпирическая феноменология психологии, которая накоплена в ней, начиная с середины XIX в. Следовательно, если у субъекта имеется *разница между образами наличной и желаемой ситуаций*, тогда возможно начало движения субъекта, т. е. *организация поведения*. Если нет этой разницы, никакого поведения не будет.

Приведенные рассуждения как раз и показывают, что проблема возникает внутри субъекта тогда, когда у него появляется образ наличной ситуации, отличный от образа желаемой. Если эта разница образов обнаруживается внутри субъекта, в его семантическом пространстве, тогда возникает возможность изменения его поведения. Тогда само появление указанной разности означает наличие ощущения, что ситуация, в которой субъект оказался, сейчас может быть лучше или хуже, чем те ситуации, которые субъект переживал раньше, — это ощущение разницы упорядоченных (в том или ином смысле) образов ситуаций и есть само *состояние проблемы*.

Проблема, таким образом, *есть ощущение, отражение* того, что ситуация, в которой мы находимся, может быть изменена: улучшена, с точки зрения субъекта, который предполагает, что имеет некие варианты вероятного развития событий.

Напомним, что вся указанная работа происходит во множестве субъективных психических образов. Отсюда так важна роль психического образа — при любом анализе поведения необходимым становится изучение того, что происходит в образной сфере человека: каков его опыт, каковы его оценки и ценности, каковы те критерии, по которым он сравнивает образы различных ситуаций, и есть ли у него возможности находить различия между разными образами. Есть несколько особых случаев организации поведения: один из них связан с тем, что образ ситуации оказывается неполным или нечетким, другой — когда текущая ситуация оценивается как нетерпимая, — это экстремальные случаи организации поведения.

Возникает вопрос, каким образом, начиная с какого момента и с какого различия между образами ситуаций данный субъект оказывается чувствительным к проблеме, возникает проблема оценки субъективной *чувствительности к проблеме*. Понятно, что по этой характеристике люди могут очень сильно различаться: одни хорошо и адекватно чувствуют проблему, и для них даже небольшая разница в упомянутых образах ситуаций весьма важна, а для других весьма заметные различия на множестве образов не выступают как важные.

Итак, предположим, что образное представление ситуаций оформилось в упорядоченном семантическом пространстве. Существует образ наличной ситуации. Предполагается, что у субъекта есть также более или менее точно сформированный образ другой, желаемой ситуации, которая существенно отличается от наличной, и эта разница ощутима для субъекта. В этом случае последний образ можно рассматривать как образ ситуации, в которую субъект хотел бы попасть, т. е. как образ-цель.

Для нас очень важно, что цель — это не сама *ситуация*, которая потенциально осуществима в окружающем мире (в отличие от концепции Н. А. Бернштейна), а то *представление* о желаемом будущем, которое пока существует только внутри субъекта, в пространстве его психических образов. Поэтому формирование различий и оценка расстояния между образом наличной ситуации и образом цели сопровождается рядом особых обстоятельств и обладает рядом психологических ограничений.

Во-первых, мы уже упоминали, что в настоящий момент *желаемая ситуация (оцениваемая как желаемая)* не существует. Напомним, что в результате действия функции памяти субъект оказался способен отделить образ от объекта отображения, при этом он получил реальную возможность создавать образы независимо от того, в какой реальной ситуации он в данный момент оказался. Это означает, что лишь в психике субъекта одновременно существуют два об-

раза — *образ текущей ситуации* (в которой субъект сейчас находится) и *образ* другой, *желаемой ситуации*, которой сейчас нет [1, с. 11]. Исследованный в цитируемой работе процесс формирования образа цели и образа реальной ситуации показывает, почему и как выбирается образ цели. Отметим, что люди могут строить эти образы достаточно произвольно и, значит, реально ставить себе как достижимые, так и недостижимые (нереальные) цели.

Во-вторых, мы отмечаем, что обсуждаемые процессы подчиняются действию особых законов, которые действуют в сфере *хранения, транспорта и преобразования образа*; с их помощью выстраивается обработка проблемной ситуации, результатом ее является формирование образа цели как образа той ситуации, в которой *субъект хотел бы быть, но которой сейчас нет*.

Эти две составляющие определяют цели субъекта, его отношение к реальной текущей ситуации, его желаемое будущее состояние. Однако чтобы достигнуть этого желаемого состояния, необходимо совершить операцию, в известном смысле обратную по отношению к операции отражения: нужно осуществить «опредмечивание» цели [10] — это один из главных аспектов человеческого существования.

Может быть, в этом контексте впервые настолько очевидной становится проблема *соединения и сопоставления двух образов* — наличной ситуации и образа цели: это соединение, как мы полагаем, осуществляется с помощью *построения субъективного образа действия*. Понятно, что образ действия может быть так же нереален, как и те образы, которые он связывает между собой. К сожалению, эти вопросы разбираются относительно подробно только в области психологии труда и инженерной психологии.

Образ действия связан со знанием объективных законов преобразования мира. Это означает, что независимо от субъекта ситуация, в которой он находится сейчас, может быть преобразована в ситуацию, которую он хочет, только с помощью и в рамках тех законов, по которым живет мир. Вариации исполнения в рамках действующих законов существования мира в какой-то мере зависят от субъекта, но образ движения мира, как и само это движение, оказывается от него независимым [12].

В применении к данному случаю речь идет о том, что *ощущаемая* субъектом проблема оформляется в виде *структуры образных компонентов*, которые позволяют найти *мысленное* разрешение проблемы. Таким образом, исследование того, с чего и откуда начинается движение субъекта во внешне наблюдаемом пространстве его взаимодействий, привело к понятию образного представления проблемы, стоящей перед субъектом. Это представление проблемы, детально проработанное в образах, их оценках, в их предметном наполнении и заключенное в связку *образ наличной ситуации* — *образ действия* — *образ цели*, оформляется в виде сложной психической структуры, которую я называю *структурированной задачей*.

Таким образом, в результате сложной работы психических функций реальная проблема субъекта отражается им и превращается в структурно оформленную задачу со всеми обозначенными компонентами, т. е. та психическая деятельность, которая касается работы над проблемой в образном плане, завершается структурированием задачи.

Психологические механизмы решения задачи. Структура и критерии регуляции поведения человека

Речь как раз пойдет о *задаче*: мы полагаем, что с помощью анализа процесса решения задачи можно попытаться подойти к механизму *управления поведением*, т. е. к той таинственной психологической реальности, которая скрыта от глаз постороннего наблюдателя и которая часто недоступна самому субъекту поведения. Здесь мы находим вторую после *отражения и оценки* важнейшую функцию психики — *функцию регуляции*. Собственно психическая регуляция и проявляется в том, что психический образ субъекта становится реальным регулятором его поведения.

Таким образом, *представления человека* определяют характер и последовательность *его действий*. С точки зрения внешнего наблюдателя, именно здесь начинается наблюдаемое движение, появляется динамический компонент жизненного пути, на котором происходит наблюдаемый сдвиг текущей ситуации, начинается активное поведение. Это проявляется в движениях и действиях субъекта, организованных совершенно определенным образом в виде прямого действия с объектами (которые подчиняются обычным законам материального мира) или информационных (коммуникативных) действий, связанных с общением, языком и речью, с передачей сообщений. В этих двух видах взаимодействия посторонний наблюдатель замечает изменения, производимые в Мире самим субъектом; эти изменения, по нашему предположению, происходят в логике той задачи, которая принята и структурирована субъектом и в соответствии с тем образом действия, который он для себя выбрал в ходе ее решения.

Естественно, возникает вопрос, как человек выбирает траекторию движения, где и почему он закачивает выбранную последовательность действий. Интуитивно понятно, что, начав реализацию движения, человек должен где-то остановиться. Мы будем рассматривать точку остановки действия как момент разрешения проблемы или достижение цели, поставленной в данной задаче. Здесь очень важно понять, что если задача *решена теоретически (мысленно)* [14], она может и должна быть решена и в практическом смысле. Однако в ходе практической реализации выбранного решения сразу же появляются новые динамические образы: как только начинается реальное действие в результате работы функции отражения немедленно изменяется образ текущей ситуации. Теперь появляется возможность сравнивать то, что получилось

в результате того или иного действия субъекта, как при этом изменилось состояние внешнего мира и самого субъекта.

В действительности это очень тонкий момент — как оценить разницу между текущим действием субъекта, которое привело к изменению окружающего мира и тем, что он может получить позднее при дальнейшем развитии выбранного варианта решения. Здесь фактически происходит отслеживание эффектов нашего движения, а затем коррекция или продолжение выбранного действия. В реальной жизни всегда, несмотря на более или менее точное теоретическое решение, в ходе его практической реализации будут осуществляться какие-то частные, постепенные шаги, которые субъект все время корректирует. Это естественный способ реализации любого действия.

Такая психологическая *феноменология решения задачи* была описана в начале XX в. известным психологом Джоном Дьюи [3], который рассмотрел некоторые основные этапы решения задач, довольно хорошо известные теперь в области общей теории управления и менеджмента. К сожалению, в наше время многие уже забыли, что эти результаты были получены в рамках психологической науки еще в начале XX в., и суть их состоит в следующем: субъект выдвигает некоторую *гипотезу* о том, что можно таким-то движением *изменить ситуацию* и получить некий *желаемый результат*; затем совершается *практическая деятельность*, действие и *эффект действия* сравниваются с тем, что субъект *задумал*; далее происходит *коррекция и/или возврат* к начальному пункту приведенной последовательности. Конечно, в наше время выполнено множество экспериментальных работ, раскрывающих особенности выполнения указанной последовательности, ее структуру, шаги и алгоритмы действия. Тем не менее остается еще ряд нерешенных проблем, которые связаны с тем, как строится реальная траектория движения субъекта.

Ранее мы рассмотрели важный вопрос о том, как начинаются действия субъекта. Теперь можно по аналогии поставить другой естественный вопрос: как они заканчиваются? Понятно, что каждый результат решения задачи приводит к конкретному изменению ситуации в окружающем мире и, значит, изменяется реальное взаимодействие субъекта с окружающим миром. Это изменение можно зафиксировать совершенно объективными средствами наблюдения. Единственное, чего мы не можем увидеть, это почему началось движение именно в данном направлении, и точно так же не можем увидеть, почему оно закончилось именно в данной точке траектории движения субъекта.

При рассмотрении момента начала движения мы говорили о чувствительности к различию образов: чтобы началось движение, необходимо иметь (ощущать и принимать во внимание) разницу между образом наличной ситуации и образом цели. Можно показать, что точно так же при окончании движения субъект должен оценить как достаточно малое (незаметное, приемлемое или не обращающее на себя внимание) достигнутое различие между образом

полученной ситуации и образом той, которую он хотел получить. Это легко понять при оценке любого человеческого действия: оно завершается тогда, когда человеку кажется, что он достиг желаемого результата или он видит, что (несмотря на то, что желаемая цель не достигнута) разница между тем, что он хотел достичь, и тем, чего достиг, пренебрежимо мала или достаточна мала.

Приведенный механизм можно сравнить с рассмотренным ранее, но если раньше речь шла о *чувствительности субъекта к проблеме*, то теперь речь идет о *качестве решения*. Здесь возникает возможность понять те самые внутренние механизмы и факторы, которые прекращают дальнейшую работу субъекта над практическим разрешением данной задачи, и перейти к другому варианту поведения. При этом поиск новой проблемы, формирование новой задачи снова включают в действие работу рассмотренного механизма.

Таким образом, всякая история наблюдаемого поведения человека на его жизненном пути принципиально может быть разбита на отдельные, самостоятельные элементы. Эти элементы есть практическое разрешение возникшей проблемы через решение принятой и структурированной субъектом задачи. При этом непрерывная траектория человеческого поведения фактически разбивается на отдельные самостоятельные отрезки, которые можно рассматривать как *разрешение принятой проблемы через решение задачи*.

Конечно, перед субъектом всегда стоит некоторое множество проблем; естественно возникает вопрос выбора проблем, расстановки приоритетов. Напомним, что возможный отказ от решения проблем — это тоже человеческий выбор: у субъекта всегда есть возможность как выбора проблемы, так и выбора решения или нерешения этой проблемы.

Полагаем, что одним из ведущих оснований для этого снова являются *субъективные оценки ожиданий, потенциальных возможностей субъекта и его ресурсов*. И хотя вопрос этот относится к другой психологической теме — *прагматике и психологии выгоды и полезности*, отметим здесь, что для субъекта важно иметь в виду не только то, какую цель или какую ситуацию он хочет достичь, но и сколько это будет стоить с точки зрения траты имеющегося ресурса. Таким образом, проблема *соотнесения ожидаемых затрат наличного ресурса субъекта с принципиальной полезностью вероятного решения* становится одним из главных критериев в субъективной оценке возможности и необходимости решения данной задачи. Вообще говоря, проблема субъективных критериев есть предмет специального психологического анализа. Однако для примера следует привести некоторые из них. Так, в качестве критериев оценки качества поведения могут выступать рассмотренные нами ранее критерии оптимального поведения [4]. Одним из чисто ресурсных критериев может быть время, необходимое для достижения этой цели. Другим критерием становится полезность (для себя и для других), которая прямо связывается с качеством деятельности.

Качество с позиции общества — это всегда полезность в самом широком смысле. Понятно, что конечный результат решения задачи может оцениваться как с точки зрения собственной позиции данного субъекта, так и с точки зрения другого субъекта. Это в общем случае означает, что субъект часто решает не только свои собственные задачи, задача может быть *задана извне*, в том числе в связи с целями некоторой организации. Проблема здесь состоит в том, чтобы понять психологический механизм того, как в таком случае формируется задача самим субъектом, и уяснить, как она может быть навязана субъекту. Поставленная извне проблема тоже должна быть принята самим субъектом, а ее решение часто оценивается также с точки зрения критериев, внешних по отношению к субъекту. Общий подход состоит в том, что у субъекта должно возникнуть *ощущение законченной работы*. Эта проблема становится одной из самых важных в психологии. Речь идет о проблеме удовлетворенности и мотивации труда, которая в рамках организационной и управленческой психологии переопределяется в проблему соединения и согласования разных интересов в разрешении общей задачи [13].

О дуальном характере психологической феноменологии

Как мы уже установили, существуют два важных компонента в анализе психологической (в частности, человеческой) феноменологии, которые принципиально различают два разных уровня анализа: изучение *собственно поведения* как наблюдаемой части жизнедеятельности субъекта и раскрытие *механизма управления поведением* или *психологического механизма регуляции жизнедеятельности*. Эти два компонента становятся в наши дни наиболее значимыми объектами психологического анализа.

Оценка концептуальной базы любой теории позволяет понять, как тот или иной исследователь видит эти явления и компоненты, и, несмотря на различия (иногда принципиальные) во взглядах, фактически любая психологическая теория имеет дело, с одной стороны, с анализом самого *поведения*, а с другой стороны, с раскрытием *механизма его регуляции*.

Это, по крайней мере, частично объясняет, почему в истории психологии возникло так много коллизий, методологических трудностей и почему некоторые школы никак не могут между собой договориться. Дело, как мы полагаем, в том, что отсутствовало четкое различие этих двух планов анализа при понимании их сущностного единства, что породило два принципиально различных подхода к исследованию и объяснению психической жизни субъекта.

Таким образом, в нашем подходе принципиально важен *внутренний дуализм психологического анализа*: в любом случае он предполагает изучение самого *поведения как наблюдаемой (внешним наблюдателем) реальной составляющей жизни субъекта* и *исследование механизма управления поведением как внутренней, ненаблюдаемой (внешним наблюдателем) функции* самого

субъекта. (Как показано нами, в принципе такой подход соединяет в себе идеи синтеза субъектного и задачного подходов в изучении индивидуальной психики [5; 6]).

План поведенческого анализа можно рассматривать как план классического феноменологического подхода. В этом случае внешний наблюдатель непосредственно фиксирует реальные, объективно регистрируемые явления субъектных взаимодействий. Этот план задает тон так называемого *объектного теоретического анализа*, в котором основные категории связываются именно с объективно наблюдаемыми событиями и их элементами. Он достаточно разумен, поскольку мы видим и запоминаем другого человека, наблюдая и запоминая его действия, поступки, отношения, т. е. именно *объективно наблюдаемые реалии*. В этом контексте любое реальное отношение, действие, поступок, высказывание субъекта, любая его реакция — поведенческая, речевая или мимическая — выступают как объекты психологического изучения, которые можно не только видеть, но и зафиксировать с помощью фотокамеры, магнитофона, средств видеозаписи и т. п. Будучи зафиксированными, эти реалии (точнее, их *следы*) становятся воспроизводимыми.

Все, что касается второго плана, — это *субъектные реалии*, которые скрыты от глаз внешнего наблюдателя, поэтому они не получают статуса позитивного знания в естественнонаучном контексте. Более того, теоретическое исследование субъектных феноменов часто оценивается как несерьезный акт, как спекулятивное рассуждение, не имеющее под собой достаточного эмпирического основания. Однако экспериментальная психология XIX в. впервые и довольно основательно сделала эти ненаблюдаемые извне феномены внутреннего душевного мира субъекта предметом (и объектом) самостоятельного научного исследования. Разработанный в тот период *метод интроспективного анализа* стал принципиально новым методом научного познания, по крайней мере в сфере психических явлений. Не обсуждая деталей и взаимоотношений так называемого *объективного метода* изучения психики и интроспективного, *субъективного метода* наблюдения и анализа психического, отметим только, что это принципиальное различие методов познания породило принципиальное различие двух основных направлений теоретической и экспериментальной психологии — бихевиоризма и интроспекционизма [5; 15].

Предлагаемый нами подход предполагает обязательное соединение феноменологического плана (плана наблюдаемых явлений) с планом самонаблюдения, при этом основная идея состоит в том, чтобы указанное соединение осуществлялось с помощью *теоретических моделей психологических механизмов*, объясняющих причинные связи между этими двумя рядами феноменов. В этом мы видим главную роль *каузальной психологии*. Исследование *психологических механизмов* необходимо как раз для того, чтобы объяснить, почему и как в данных условиях возникают именно эти объективно наблю-

даемые поступки и действия, множество которых определяет формирование соответствующих типов, классов, типологических характеристик поведения, и как сам субъект представляет себе собственное поведение в окружающем его мире и выбирает тот или иной вариант продолжения траектории жизни.

Упомянутые *психологические механизмы* мы и рассматриваем в качестве *механизмов организации и управления поведением субъекта*.

Библиографический список

1. *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
2. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
3. *Дьюи Д.* Исследование ума. СПб.: б. и., 1911.
4. *Забродин Ю. М.* Методологические основания и перспективные направления развития отечественной психофизики // Антология современной психологии конца XX века: ежегодник РПО. Казань, 2001.
5. *Забродин Ю. М.* Модели личности в психодиагностике. М., 1994.
6. *Забродин Ю. М.* Очерки теории психической регуляции поведения. М.: Магистр, 1997.
7. *Забродин Ю. М.* Практическая психология человека и управление социально-экономическими процессами // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2.
8. *Забродин Ю. М.* Психологический анализ структуры и динамики социально-экономического пространства // Психология бизнеса: Москва-Питер: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: ИМАТОН, 2003.
9. *Забродин Ю. М.* Психология личности и управление человеческими ресурсами. М.: Финстатинформ, 2002.
10. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
11. *Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1984.
12. *Носов Н. А.* Виртуальный человек. М.: Магистр, 1997.
13. *Тидор С. Н.* Психология управления: от личности к команде. Петрозаводск: Периодика, 1997.
14. *Чернов А. П.* Мысленный эксперимент. М.: Наука, 1979.
15. Экспериментальная психология/под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1–2.